

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – литературный критик, член Союза писателей Беларуси, лауреат Международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (Минск).

ПОСЛЕДНИЙ ЭТОГО ВЕКА...

Народное слово в поэзии Владимира Кострова

Он ушёл от родимого крова.
Гаснет день, остывает строка...
Помяните поэта Кострова,
Поле русское, роща, река!
.....
Не кумир, не записан в святые,
Но великую тайну словес
Знал, как знают шмели золотые
Да наполненный звуками лес.

Виктор Кирюшин. Сороковой день

Сорок дней на душе вологодская стынь,
И я плачу навзрыд бесконечные сутки.
Небосвод на мгновенье, Спаситель, раздвинь,
Дай услышать в раю мне костровские шутки.
Я приветствую вас, храбрый ангельский чин,
И смотрю в облака сквозь рассветный румянец,
Знаю: там, посреди святогорских вершин,
В ваших славных рядах костромской новобранец.

Александр Орлов. Владимиру Андреевичу Кострову

Поэты большого стиля и глобальных тем, равные личности Владимира Кострова, не уходят. Они остаются, свет их не только согревает, но и бросает лучи на тот особый мир, в котором обнажённой человеческой душе слишком горячо – изнутри. Владимир Костров – поэт-шестидесятник, но не «громкой», а «тихой» лирики. Это – один их самых признанных и значительных поэтов России. Человек-легенда, стоявший у истоков нашей поэзии и, когда поэты собирали стадионы, выступавший вместе с Симоновым, Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. На нём была славная печать «шестидесятничества». Всегда при любых обстоятельствах он сохранял гуманизм и доброту. Поколение Владимира Кострова, Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Станислава Куняева, Ларисы Васильевой, Новеллы Матвеевой отличало общее стремление к высшей правде. По словам критика Льва Аннинского, то «поколение создавало само себя».

Мир поэзии Владимира Кострова широк и многообразен. Целая советская эпоха – зримо и достоверно – предстаёт в его произведениях. Величие образов, классическая поступь традиции отражаются в судьбе художника и в судьбе страны. Почва костровской поэзии вобрала в себя приметы исторические, бытовые, психологические, которые отличает своя собственная интонация и нравственная оценка событий. Но традиция не есть нечто однозначное и застывшее, как явление, она развивается во времени и пространстве.

Детство его прошло в деревне Власиха, что в Костромской области. «Я родился в 1935 году, в крестьянской семье, в глухой, совершенно затерянной деревне... в болотах, мхах, реках... Первое стихотворение сочинил в четвёртом классе», – вспоминал он. Благодаря прекрасной школьной библиотеке уже в юном возрасте будущий поэт хорошо знал русскую классику. Затем учился на химическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, работал инженером-изобретателем на Загорском оптико-механическом заводе. Впервые его стихотворение было опубликовано в 1957 году в журнале «Юность». С 1964 года Владимир Костров – член Союза писателей СССР. Что примечательно: вопреки правилам был принят в творческий союз по вёрстке ещё готовящейся к изданию книги. На тот момент он являлся автором нескольких перспективных изобретений, имевших немаловажную научную ценность. Причём сам же Владимир Костров вывел остроумную химико-эстетическую формулу стиха: «*Что-то физики в почёте. // Что-то лирики в загоне. // Дело не в сухом расчёте, // дело в мировом законе*». И предпочёл науке – поэзии! Но, как известно, наука и поэзия не противоречат друг другу. Поэзия науки и наука поэзии – своего рода синтез искусств и явлений жизни. Ведь в основе всего лежит Образ – и не обязательно художественный – просто образ, метафора. Поэзия присутствует повсюду, в любом виде творчества и в любом деле. В мире всё насквозь пронизано звуком и ритмом.

Стоит сказать, что Владимир Костров – автор более 30 поэтических сборников, мастер блестящего перевода, драматург. Вот далеко не полный перечень его книг: «Первый снег» (1963), «Избранная лирика» (1964), «Кострома – Россия» (1967), «Вёсны и осени» (1968), «Утро в Останкине» (1972), «Металл и нежность» (1974), «Я вас люблю» (1974), «Московские рассветы» (1977), «Товарищества светлый час» (1977), «Солнце во дворе» (1978), «Избранное» (1980), «Открылось взору...» (1984), «Свет насущный» (1984), «Стратостат» (1987), «Стихотворения и поэмы» (1989), «Песня, женщина и река» (2001), «Если любишь. Стихи, поэмы, переводы» (2006)... Владимир Андреевич является лауреатом Государственной премии имени М. Горького и Правительства РФ в области культуры, «Большой литературной премии России», неоднократным лауреатом телевизионного конкурса «Песня года», обладателем Государственной медали им. А. С. Пушкина и золотой пушкинской медали XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Поэт показал величие русского языка во всей его разносторонней сложности и красоте. Он был председателем Пушкинского комитета по проведению праздников поэзии. Работал заведующим отделом в журнале «Техника – молодёжи», в журнале «Смена», заместителем главного редактора в журнале «Новый мир», тираж которого тогда – период расцвета – составлял три миллиона экземпляров.

Владимир Костров – поэт Божьей милостью. Сердечный стих России этого художника слова – воистину как дар Божий. И писатель Василий Воронов, отмечая реализм его пронзительной лирики, убедительно подчеркнёт: «Божий промысел открылся на Кострове. Такое случается очень редко, может быть, раз или два в столетие. Открылась душа, переполненная земными откровениями и уязвлённая страданиями человечества. Всё подмечено, всё увидено, облюбовано и омыто слезами радости и печали. И обозначено Словом. Он оттуда, из стаи славной, от Пушкина и Некрасова... Поэт огромной духовной мощи, может быть, последний на нашем коротком веку». В нём одном – голос народа, зов самого поэта, наполненный болью, горечью и надеждой. Ему близко понятие народности – то, что русский по судьбе – это и награда, и цель, и большая ответственность художника. Быть выразителем исторического духа народа – значит быть кристально честным. Тихая лирика, проникнутая исповедальностью русской судьбы, не терпит фальши.

Поэзия тем и прекрасна, что каждый раз рождается заново, представляя современникам своеобразный документ эпохи. Неповторима колоссальная плотность костровской строки. Плотность и плоть слова – поэтическое совершенство, которое, прежде всего, отличает предельная насыщенность образов и смыслов.

Мы – последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники. Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья –
О любви разговор поведём.
Мы последние века. Мы братья
По ладони, пробитой гвоздём.

Величественная трагичность и неизбывная надежда – творящие и борющиеся между собой силы. Нежное сквозь острое. Острое сквозь нежное. Противостояние, контрастное и двоякое – философская диалектика противоположностей. Уникальное человеческое единство, каким были согреты послевоенные годы, оставило в душе поэта неизгладимый след ушедшей эпохи и вместе с ней след целого поколения.

*Так обнимемся. Путь наш недолог.
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники. Мы из-под ёлок,
Мы – последняя нежность войны.*

«Как тяжко дышит русское пространство...»

О, Россия! Где зло, как и, впрочем, добро –
Безвозмездны, где основа основ –
Потрясение оных основ.
Где как данность – порыв,
И слепое сияние бездны,
Где нас встретит Господь
И обнимет, как близких сынов.

Владимир Фролов

Во все времена важным условием творчества, прежде всего, было знание жизни своего народа, по главной сути, без этого не может состояться ни один художник. «Не зря говорят: спасётся Россия – спасётся мир...» – свято верил в такое пророчество Владимир Костров. У него было исконно русское ощущение мира как Божьего творения. Естественное выражение фантазии поэта являло нам живые эпические образы народного мирозерцания:

*Две берёзы над жёлтой нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.
Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.*

Он и был сыном своей многострадальной земли, неразрывной частицей её «русского горького счастья». Подобная поэтическая олицетворённость сродни христианскому мирозерцанию, ищущему традиционные смыслы, насущные, как хлеб. Почему поэзия, искусство потеряли тайну? Но настоящий художник всегда и во всём находит таинственный смысл. Первые уроки нравственности маленькому Володе когда-то преподавала его бабушка, а дальше жизнь вела сама, подчас преподнося

уже более суровые уроки. Родная деревня, немудрёная философия «людей от земли», пожалуй, являлись самыми лучшими советчиками и учителями. Поэт дорожил кровной землёй, знал российскую глубинку, хранил в себе сокровенную чистоту души. Проникновенный голос тишины, обращённый к родным истокам, звучит и в стихах «Возвращение»:

*Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя рельём богата
(стойкий, чёрт, – попробуй, оторви!).
Да ещё грачами, да ручьями,
круглыми, протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови...
<...>
вот она – стоит у огорода
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.*

*Век тебя согнул, как знак вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий одуванчик,
это я – ваш белобрысый мальчик.
Слава богу, слёзы солони.
Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землёй и небом.
Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын! Я овощ с этой грядки.
Видишь – плачу, значит, всё в порядке:
если плачу, значит, это я.*

Исповедальность – сильная черта лирики Владимира Кострова. Дом, малая родина, мать – близкие, иконописно пересекающиеся в творчестве русских художников темы. Известный есеновед Юрий Прокушев писал: «...да, Россия стоит на деревне, на земле!» Образ этот приобрёл в стихах Владимира Кострова глубинный метафорический смысл, восходящий к образу самой России. Поэзия Николая Рубцова, Евдокима Русакова, их крестьянская судьба органично отзываются и в его произведениях. Не угасает свет рубцовской «Горницы»: «С каждой избою и тучею, // С громом, готовым упасть, // Чувствую самую жгучую, // Самую смертную связь». Концовка – как обжигающая молния. Сберегая любовь и память к своим изначальным корням, к единственной деревеньке, речке детства, быть может, маленькому городку, тем самым мы сберегаем любовь к Отчизне и даже больше – ко всему живому на земле. Мощный духовный заряд несёт нам творчество Владимира Кострова. И поэзия эта не «деревенская», а просто – поэзия, которая, по мысли Вадима Кожинова, «рождается из всей целостности жизни её творца».

Иногда жизнь, смерть и бессмертие гениально вмещаются в одном стихотворении. Когда поэзия может сказать гораздо ярче и убедительнее, нежели проза. Наглядный пример – красочное, метафоричное произведение Кострова:

*Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх и боль не бередят меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
.....
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита.
Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.*

Какая лирическая напряжённость и одновременно чёткая завершённая поэтической формы! Совершенное полотно привычного мира и собственного пути. Художник тем и велик, что талантливее и острее иных чувствует непостижимую закономерность конечности и бесконечности жизни. Простота и глубина, реалистичность прошлого и настоящего. «Путник на краю поля» – в этом названии повести писателя Николая Коняева, посвящённой творчеству поэта Николая Рубцова, пожалуй, и есть вся суть заключительных строк и всего стихотворения Владимира Кострова. Нет тяжести бытия – впереди вечность... Такое под силу лишь редкому мастеру пера, виртуозно сочетающему феномен философской парадоксальности и совмещающему его с чем-то непреходящим. «Осталось только

поле перейти» – эта афористично-метафоричная строка перекликается ещё с другой, принадлежащей поэту Игорю Шкляревскому: «Не умереть боюсь – боюсь не быть».

Произведения Кострова лишены какой-либо претенциозности на славу, на личную значительность. Автор чувствует, что каждый раз необходимо писать так, словно впервые взял перо и коснулся белого листа. И ты ясно понимаешь, что мера художественности есть степень народности. С некоей лёгкой самоиронией он рассказывает о своих далёких предках:

*Выходец из волости лесистой,
бразжник, сочинитель, остролов,
в глубине истории российской
жил Ермил Иванович Костров.
В переводах был весьма исправен,
пил вино, работал не спеша.
О Кострове Пушкин и Державин
говорили: «Добрая душа».*

.....
*Буду жить с такой фамилией древней,
не употреблю её во зло.
Классиков высокое доверье
на мою фамилию снизошло.*

Вероятно, поэтому исключительно хороши его скромные деревенские пасторали. «*Да, можно увезти парнишку из деревни, // Но вытащить нельзя деревни из него*», – нечто древнее, посконное веет от этого прямого, простосердечного афоризма поэта. Как и художник кисти, он подбирает прозрачные акварельные краски, вкладывая в картины природы собственные мысли, тревогу, боль за утраченную и поруганную крестьянскую жизнь, что актуально и сегодня, о чём когда-то сокрушались наши писатели Можаяев, Распутин, Белов... Пейзажная лирика Кострова возрождает забытые моменты милого деревенского бытования: «*Проложи по траве чуть дымящийся след // и хрустящий сенник положи в изголовье... // Этот близкой луны ненавязчивый свет // добр и жёлт, как топлёное масло коровье*». Нашему взору открываются русские пейзажи – широта и простор вызревшей мысли утончённого мастера художественного пера:

В своём поэтическом пространстве он соединяет земное и небесное: Мать – сыру землю и Солнце веры – и в этом как художник видит собственную ценность. Небесное – Храм. Земное – погост, конец человеческого пути. Мать – сыра земля символизирует в фольклорной традиции славянскую богиню-мать. В былинах и молитвах её называют Мать сыра земля, Богородица. Словно целительное молитвенное заклинание – пронзительное прощение и прощание – звучат наполненные надеждой завершающие строки:

*Глубину земли нельзя измерить,
На свечах сердечки из огня.
Я пришёл надеяться и верить.
Родина моя, прости меня!*

Спасибо поэту за глубокую преданность родной культуре, за красоту и пронзительность его поэзии, за великую человеческую веру и любовь... «Стихи пишутся, и это удивительно. Самый большой страх для меня, когда перестанут писаться стихи, что-то оборвётся...» – искренне делился с нами сокровенным Владимир Костров. Но не обрывается нить... Народной памятью и вечностью хранимы и великая поэзия, и её гениальные творцы.